

Последняя весна

Вспоминаю, как при встречах с академиком Шварцем в последние годы его жизни, а было это всего лишь несколько лет назад, у меня возникало и радостное, и грустное чувство: хорошо, что жизнь вывела меня на спокойного, мудрого, во всех проявлениях естественного человека, но жаль, как жаль, что этого не случилось раньше. Жаль, что я не знал его всегда!

Недавно я попросил своего коллегу, научного журналиста из Москвы Карла Левитина, рассказать о его давних и мимолетных встречах с Шварцем. Оказалось, что столичный коллега все эти годы помнил об уральском ученом и немедленно написал мне.

«Главное мое впечатление о Станиславе Семеновиче Шварце — очень четкое. Прежде всего — передо мной был подлинно интеллигентный человек. Ни тени академической важности, никакой страсти к директорскому декору. Вы помните, конечно, его кабинет-лабораторию? Летом 1972 года я был в Свердловске (готовил интервью Шварца для журнала «Знание — сила»), а друзей у меня там тогда не было, да и знакомых тоже. Я поехал в институт, не договорившись о встрече, но Шварц сразу нашел время побеседовать и, помнится, ощущение одинакости (наверное, оно знакомо каждому, кто впервые приехал в какой-нибудь город) постепенно оставило меня. Мы говорили об институте, науке, я понимал, конечно, что в его глазах был одним из множества журналистов, чьи имена невозможно упомянуть, и тем не менее, ощущение от разговора со Шварцем было такое, что вот теперь у меня в этом городе появился не то чтобы знакомый, приятель, но человек, которому не безразлично мое дело, мои мысли, заботы. Эта черта личности Шварца — открытость, внимание к собеседнику, старая, петербургская интеллигентность — встречается не каждый день.

Последний раз я не увидел Станислава Семеновича — он был уже тяжело болен, и мы разговаривали несколько раз по телефону, я пересыпал ему свои расшифровки наших бесед. И вновь, теперь это уже было совсем странным, поскольку я был совершенно здоров, а Станислав Семенович страшно болен, — у меня появилось то же самое ощущение. Мой собеседник, не ссылаясь на недомогание, не досадовал, что к нему, больному, пристают с вопросами, нет, он старался войти в суть моих проблем, дать мне наиболее четкие ответы на вопросы. Думается, что это и есть настоящая интеллигентность, которая включает в себя в иных обстоятельствах мужество тоже...».

Да, академик Шварц был человеческим, как говорили в старину, и старался все делать по-человечески, то есть по-людски, по-доброму. Да, он был мягким человеком, но истинно мягкими могут быть только люди с твердым характером.

С первого взгляда на Шварца люди чувствовали — перед ними неспешивый, благожелательный, надежный человек. Всегда поможет. И с первого же взгляда люди чувствовали — это беззащитный человек. Для хитрых людей он был, например, вполне уязвим. И его хотелось защищать.

Школьный товарищ Шварца ленинградский ученый, востоковед Д. Е. Бертельс рассказал мне:

— Я учился со Шварцем с четвертого класса. Помню, всю жизнь тот свой первый урок в новой школе. Я сильно волновался. И вдруг кого-то, сидящего сзади меня, учитель просит прочесть стихотворение. И я услышал ровный, такой густой голос. Оглянулся и увидел мальчика с большой черной головой. И мне сразу стало почему-то спокойнее. А потом я

глядывался на этого несуетливого, солидного мальчика еще много раз. Ведь истинная сила человека не в порывах, а в нерушимом спокойствии.

Да, в основном не переменился Шварц, каким был он в школе, таким он был и в Академии наук.

Таким же он сидел и в своем директорском кресле — необидно повелительным, негневливым, не устрашающим каким-то, а терпимым собеседником. Как отвечал он уроки — спокойно и уверенно — так не актерствовал, не громыхал, не царил над аудиторией, а мыслил вслух, открывал простор, и слушателям становилось празднично, в его докладах было всегда что-то освежающее, безобманно новое. Дар слова сошелся у него с даром мысли. Он и в юношеских сочинениях уже не стыдился самых простых слов. Доклады читал неторопливо, выразительными были движения его губ, словно он хотел, чтобы его понял даже глухонемой, случись ему попасть на его лекцию.

Повторю: при встречах со Шварцем у меня возникало чувство: жаль, как жаль, что я не знал его долго, всегда. Да и вообще-то люди в принципе непознаваемы, ни самый дотошный биограф, ни друг и ни коллега не могут уловить всех тонкостей души того, о ком они решили поведать миру. Когда кто-то говорит о ком-то: «Уж я-то его хорошо знаю!», он ошибается. Даже близкие люди знают друг друга приблизительно.

Видимо, чтобы представить исчерпывающие личность великого Михаила Лермонтова, не худо бы создать институт по исследованию, скажем научным языком, духовных ресурсов поэта. Надо организовать институт во главе, разумеется, с Ираклием Андрониковым. А познан ли, к примеру, престанный и глубокий ум крупнейшего нашего физиолога, создателя учения о доминантне нервных процессов, академика Алексея Алексеевича Ухтомского? Именно о нем я сейчас вспомнил потому, что Алексей Алексеевич читал лекции молодому Шварцу, и я, естественно, познакомился с жизнью этого достославного ученого, и она теперь у меня постоянно на уме. Фантазирую: нужен институт Ухтомского, чтобы представить сложное мировоззрение Ухтомского, например, полагавшего, что научные и прочие книги люди пишут в надежде найти для себя собеседника хотя бы в будущем, так как в настоящем времени, среди современников, дорогое сердцу собеседника, как правило, найти трудно. И, очевидно, нужно открыть институт академика Шварца, чтобы проникнуть во все тайны ума первого в стране академика-эколога...

Институт Шварца уже существует! Это Институт экологии растений и животных Уральского научного центра АН СССР, созданный Шварцем. И, как он сам об этом сказал в одном из писем к своему учителю профессору Павлу Викторовичу Терентьеву, «институт создан мной, скажу без ложной скромности, на пустом месте». Да, есть академики, для которых открывают институты, чтобы им было чем управлять, и есть институты, которые делают академиков. Но существует и третий путь — нормальный. Человек много-трудно организует институт и уж затем организатора изберут, возможно, и в академики. Это путь Шварца. На Урале ранее никогда не было даже группы специалистов, чтобы можно было открыть не институт, а хотя бы лабораторию экологического профиля. А ныне институт Шварца — реальность. И в нем познают Шварца, ибо здесь развиваются его идеи. Глупо пророчить в наш век, буквально ввинчившийся в темную стену неизведенного, долгую жизнь чьим-либо идеям. Наверное, завтра кто-то углубит сегодняшние

идеи, да так решительно это сделает, что теперешнее быстро станет принадлежностью истории науки... Но имя организатора науки Шварца будет жить. Он вышел из первых в стране Институт экологии. И эта наука нынче на слуху у миллионов. Экология — теория поведения человека в природе. Экология — теория создания измененного мира. Лю-

факультете прежде не встречал...

— Вы будете, — сказал он эрудированному первокурснику, — заниматься лично со мной экологией пустынь Средней Азии.

Так студент Шварц встретился с организатором первой в нашей стране кафедры экологии. Однако мог ли профессор Кашкаров предполагать,

денческие годы. Ныне это один из признанных методов изучения живой природы.

Только разумный может быть гуманным!

С академиком Шварцем я встречался не один раз, но эта встреча за два-три месяца

Жизненное кредо

Рассказ о жизни и деятельности академика С. С. Шварца

ди уже не могут не изменять мир, только делать это надо все более разумно. «Мы, изменяясь, изменяем не только дальние края, но и листву деревьев в мае и древний голос соловья». Разумность нужна теперь весьма и весьма тонкого свойства. Надо очень внимательно, аккуратно и бережно жить на Земле, чтобы соловьи в ядовитом дыму не забыли своих древних песен, а весенние листья не темнели раньше

что он принял в ученики будущего организатора первого в стране Института экологии. Ученик не только занял в науке «экологическую нишу» своего учителя, но и заменил расширил ее.

...Вот он, университет моего героя. Вот он, знаменито длинный коридор ЛГУ через все двенадцать Петровских коллегий, с портретами «стариков», то есть великих ученых нашедшего Отечества. Шагаешь по

до его смерти особенно замнислась.

По неотложному журналистскому делу мне надо было посоветоваться со Станиславом Семеновичем. Редакция журнала «Уральский следопыт» затевала целый номер, посвященный проблемам охраны природы, и нельзя было не оградиться от экологических ляпов в публикациях и не поговорить прежде с ученым, осенавшим первый в нашей

времени. Создавая себе комфорт, мы запрязняем, а загрязняем природу, мы генетически рискуем, и вместе с нами генетически рискуют также и деревья, и соловьи...

Вот какими были тревоги последней весны академика Шварца.

Новая звезда

Готовясь в университет, Станислав не мыслил себя музейным работником, он мечтал об экспедициях, об изучении животных в природе. Поступив на биофак, Шварц пришел к профессору Даниилу Николаевичу Кашкарову, чтобы записаться для специализации по экологии.

— А что вы читали по экологии, молодой человек? — спросил Даниил Николаевич, корифей отечественной экологической науки.

— Шелфорда, Клементса, Элтона, Браун-Бланке...

— Но ведь работ этих исследователей на русском языке нет! — воскликнул профессор.

— Читал в подлинниках...

— Кашкаров засыпал вопросами новичка. Замечательно, как это прекрасно: юноша, действительно, перечитал почти всех крупных экологов! Вероятно, этот молодой человек мог бы сейчас сдать экзамен по экологии не хуже многих студентов, прослушавших полный курс. Ничего такого профессор на биологическом

«державному», коридору, и он внушиает торжественное ожидание чудесных встреч.

«Счастье, он попал в восходящий поток свежей информации! Случайно услышал эту фразу, проходя мимо студентов. Да, высшее счастье мыслящего человека — быть с мыслящими людьми! Не ради

ли этого Ломоносов пришел в Москву, чтобы чувствовать каждый день освежающую духовность культурных соотечественников. В любой век — это счастье быть студентом МГУ или ЛГУ, тут действительно восходящие потоки мысли, тут можно высоко подняться, но зато и падать с такой высоты будет больнее, если не научился в молодости, в годы учебы махать крыльями, и удерживать самого себя, то есть мыслить самостоятельно...

Уже тогда Шварца интересовалася не безличная экология, а физиологический подход к решению проблем экологии. Возможно, ему передалось настроение Шелфорда, ведь Станислав читал труды этого исследователя, который проповедовал смотреть на экологию, как на физиологию, перенесенную в поле. Возможно также, что лекции Алексея Алексеевича Ухтомского по общей физиологии тоже подвигли студента Шварца к полевой физиологии. Так или иначе, но идея познания микрозволюций с помощью метода морфофункциональных индикаторов начала зреТЬ у него еще в сту-

ране Институт экологии растений и животных.

Академик был очень болен. Звонил лечащему профессору Михаилу Львовичу Шулутко, человеку до крайности прямому, определенному: «Можно к Шварцу? Можно! Собираюсь отпустить его на работу! Можно! На полчаса».

Объясняю академику, уже у него дома, в рабочем кабинете с громадным письменным столом, что вот, мол, хотим выдать экологический номер «Следопыта», крупно выступить в защиту природы, чтобы и самим поглубже почувствовать нынешний конфликт между природой и человеком, и читателю сообщить эти чувства. В чем же заключается современность взгляда на природу, не покажемся ли мы перед читателями уж слишком экологически озабоченными, а путь-то, как выйти из конфликта с природой с достоинством, оказывается, уже давно известен...

Он протянул мне через стальной письменный стол, на котором он, я знал, бывало, и лягушек препарировал, блокнот и попросил прочитать цитату из важного правительственного постановления. Читай: «...совершенствовать методы экологического прогнозирования».

— Вот эта фраза и впервые. Никогда еще не было сказано так прямо о значении экологических прогнозов. Ни где и никогда.

академической науке - 50

— Но пока экологи еще не визируют, не разрешают или запрещают производство тех или иных машин, еще не накладывают вето на ту или иную технологию, опасную для природы.

— Не визируют, не запрещают... — повторяет мои слова Станислав Семенович, и мне кажется, что повторяет он их, немного сердясь. — Как же тут точнее сказать... Нет, экологи вообще не только контролеры. Они уже входят в авангард первопроходцев. Вот посмотрите эти два абзаца. Пишу статью для международного журнала «Курьер Юнеско».

И он протягивает мне через широкий стол, который он юмористически назвал полем деятельности, рукопись. Вижу заголовок статьи: «Новая экология». Суть двух абзацев в том, что повсюду недостаточно тратят средства на экологическую подготовку технических проектов, преобразующих природу больших районов. А экологи могли бы заметно ослабить последствия плохо обдуманных вторжений в окружающую среду, и к тому же, сделать так, что любое предприятие будет экономически более выгодным. И второй абзац: техника непозволительно самонадеянна, напрасно люди преиспекают биологическими методами освоения новых земель, а полагаются чаще только на бульдозеры и экскаваторы.

— Это все доказательство того, что природу защищать к тому же выгодно и экономически?

— Да. Две вещи надо делать. Первое: разворачивать сотрудничество экологов с экономистами и прочими специалистами. Второе: природа — не пассивный объект хозяйственного воздействия, и надо знать, как она реагирует на давление со стороны цивилизации. Академическая экология исследует такие реакции природы, но лучше будет, если наша наука выйдет из стен Академии и станет советчиком промышленности.

Не столько мы изменим природу, сколько она сама изменится. Ей надо доверять. Она жила и будет жить по своим законам, хоть и влиять на нее люди станут все решительнее. Заменить природу? Слышал я где-то и такой призыв. Это слепая вера в человека, в его всемогущество. Пишу можно сделать искусственной. Но пластмассовым лесом не прожить. Слон в неволе не размножается. Ему не хватает психологического настроя, который он получает от родного леса. Без шума листвы и прочего лесного у него нарушается гормональная функция. Психика человека многократно сложнее психики слона. Она и сильнее, и крепче. И все же, и все же... Вот есть эквиваленты природы. Например, стихи. Но этого разве достаточно для человека? К слову, борьба за природу — это и борьба за здоровую психику...

— Идеальный преобразователь природы, каким он должен быть, Станислав Семенович?

— Только разумный может быть гуманным. Только разумный! Я говорю о том, что слепой любви к природе, хоть она тоже свята, мало! Нужна разумная любовь, и она придет к людям...

Ю. ЛИПАТНИКОВ.

Фото А. ЛЫСЯКОВА.

(Отрывок из очерка, который полностью будет опубликован в № 10 журнала «Уральский следопыт» за 1981 год).